

Екатерина Новак

ГЕНДЕРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ АВТОРОВ XX в.

Как известно, богатство художественных средств выразительности особенно ярко проявляется в поэзии. Именно богатые возможности поэтического языка обуславливают высокую степень внутренних переживаний как поэта, так и его героев.

Учитывая родовую специфику лирики – субъективность, обратим внимание на типологию гендерных компонентов в языке поэзии XX в., взяв для сравнения творчество русских и английских авторов в двух линиях – «женской» и «мужской». Мы говорим именно о линиях, поскольку рассматриваем специфику отношений автор – лирический герой. В «женской» поэзии с образом лирического героя связана вера в прекрасную, гармоническую, рожденную для счастья человеческую личность. Причем для женщины-поэта счастье состоит не в индивидуалистическом погружении в сокровенные тайны духа, не в забвении реального мира, как это часто бывает в «мужской» поэзии, а в приобщении к этому миру, ко всей полноте существования, которую он может дать человеческой личности. Надо ли говорить, что квинтэссенцией счастья для лирической героини является любовь.

Заметим, что любовь многолика и противоречива как в «женской», так и в «мужской» поэзии, но в поэтической картине мира женщин-авторов ей принадлежит центральное место. Тема любви связывает воедино все остальные, в том числе имеющие гендерную окраску (например женская судьба, женщина и мир, женская свобода, женская доля и т. д.) Характерно, что идея свободного выбора женщиной своей судьбы в лирике облекается идеей о праве женщины на любовь, о поиске любви как смысле жизни.

Поэтессам свойственно воспринимать мир как несовершенный, неопределенный, разобщенный, часто как чуждое женщине бытие. В жизни оказывается мало внутреннего света, тишины, умиротворенности. Все страхи, комплексы, необратимые внутренние потрясения в лирической героине возникают на фоне беспорядочных событий, хаоса быстротекущего времени. Любовь становится тем спасительным чувством, которое принесет умиротворение в мятушуюся душу, обеспечит прочную связь с духовной основой. Вера в любовь, жесточайшая необходимость родной души, встречи и разлуки, нежность, чувство вины, разочарование, ревность, ожесточение, истома, поющая в сердце радость, несбывшиеся ожидания, самоотверженность, гордыня, грусть – в каких только гранях и изломах мы не видим любовь в «женской» поэзии!

Обострены и напряжены все чувства лирической героини. И только тогда ей открывается необычность обычного, мир воспринимается с удвоенной силой, открывается в дополнительной реальности. Время любви особое:

*Это время я без памяти люблю,
Все погаснут до июля фонари*

(С. Ла «Письмо из июня самой себе»).

Сама любовь парадоксально сочетается с другими чувствами:

*Я огорчала вас,
Я осуждала вас –
Вслух и в душе,
Но при этом – я вас любила*

(О. Слободкина «Милый»).

Сравнения и метафоры в «женской» поэзии помогают глубже понять парадоксы любви.

Любовь сравнивается с музыкальным инструментом, с помощью которого один человек управляет другим:

*I was your instrument played upon like a harp
Sounding my lowest note to the highest my soul could reach
Yet now the melody is lost...*

(К. Dove «Lost melody»).

А любимый человек – с вором, укравшим сердце:

*You came like a thief in the night
Stealing my heart. My life pouring out your burdens*

(А. Smith «You»).

Необходимо отметить, что английские поэтессы с избытком наделяют любимых добротой, порядочностью, щедростью:

*In fact, he's never ever bored
He's kind and generous*

(Е. Smith «The beauty of age»)

*His hair's a silvery gray –
His manner's quiet and gentle*

(Е. Atwood «Upon reaching»).

Метафорический образ любовь – парение – топос русской поэзии:

*И тихо, и незримо над Арбатом
Летела я с тобою рядом-рядом*

(О. Дьякова «Арбат»).

В любовных стихах женщин много эпитетов, которые рождаются из целостного, нераздельного, слитного восприятия всего, что окружает лирическую героиню, когда глаз видит мир неотрывно от того, что слышит о нем ухо, когда чувства материализуются, опредмечиваются, а предметы одухотворяются: «В страсти, раскаленной добела» (О. Дьякова), «burning eyes of heaven» (К. Dove).

Эпитеты и метафоры обогащают поэтический язык в смысловом и эмоциональном отношении:

Маленькая и непослушная

Обострены и напряжены все чувства лирической героини. И только тогда ей открывается необычность обычного, мир воспринимается с удвоенной силой, открывается в дополнительной реальности. Время любви особое:

*Это время я без памяти люблю,
Все погаснут до июля фонари*

(С. Ла «Письмо из июня самой себе»).

Сама любовь парадоксально сочетается с другими чувствами:

*Я огорчала вас,
Я осуждала вас –
Вслух и в душе,
Но при этом – я вас любила*

(О. Слободкина «Милый»).

Сравнения и метафоры в «женской» поэзии помогают глубже понять парадоксы любви.

Любовь сравнивается с музыкальным инструментом, с помощью которого один человек управляет другим:

*I was your instrument played upon like a harp
Sounding my lowest note to the highest my soul could reach
Yet now the melody is lost...*

(К. Dove «Lost melody»).

А любимый человек – с вором, укравшим сердце:

*You came like a thief in the night
Stealing my heart. My life pouring out your burdens*

(А. Smith «You»).

Необходимо отметить, что английские поэтессы с избытком наделяют любимых добротой, порядочностью, щедростью:

*In fact, he's never ever bored
He's kind and generous*

(Е. Smith «The beauty of age»)

*His hair's a silvery gray –
His manner's quiet and gentle*

(Е. Atwood «Upon reaching»).

Метафорический образ любовь – парение – топос русской поэзии:

*И тихо, и незримо над Арбатом
Летела я с тобою рядом-рядом*

(О. Дьякова «Арбат»).

В любовных стихах женщин много эпитетов, которые рождаются из целостного, нераздельного, слитного восприятия всего, что окружает лирическую героиню, когда глаз видит мир неотрывно от того, что слышит о нем ухо, когда чувства материализуются, опредмечиваются, а предметы одухотворяются: «В страсти, раскаленной добела» (О. Дьякова), «burning eyes of heaven» (К. Dove).

Эпитеты и метафоры обогащают поэтический язык в смысловом и эмоциональном отношении:

Маленькая и непослушная

*Моя душа
Обняла лапками твою душу
И
Спряталась носом в шарф
Твой*

(Т. Ровицкая «Душа»).

В «женской» поэзии нередки сравнения, параллелизмы, иносказания, долженствующие убедить читателя в хрупкости и незащищенности любви:

*Есть улитка на тропинке,
Ей сегодня нелегко,
Ее счастье и любимый
От улитки далеко*

(С. Ла «Любовь»).

Самое главное в поиске – не оступиться, сберечь свое чувство:

*До милого-дорогого
Путь-дорожка нелегка,
Осторожно, ради Бога,
Не оступитесь*

(С. Ла «Любовь»).

Английские поэтессы также широко используют вымысел для создания собирательного образа микромира, в котором править, по их мнению, должны любовь и добро:

*If we could all just live and love oh what a world it would be no need
For wars or anything oh what a world it would be the peace of blue
Skies and running streams the love of a young child at play oh how
Sweet it would be if we could learn to live and love the way it should be*

(E. Bishop «If we could...»).

*The beauty of my fantasy
We lie upon the sun-bleached sand
Our bodies entwined, hand in hand*

(E. Atwood «The world»).

Воображаемый мир в их стихах выступает в качестве спасения от жестокой реальности, любовных разочарований. В нем время для героя останавливается:

*They saw we're into summer now, but my
Season's been delayed.
I'm still watching winter windows
And the trees are only just leafing out.
It's summer, but not here-
Summer in someone else's city*

(S. Dennis «Breakfast»).

Но любовь в понимании поэтесс XX в. отнюдь не только счастье. Как и их предшественницы, они показывают, насколько часто это чувство порождает страдания, даже антилюбовь, мучительный, вплоть до распада, до протрации, излом души:

*Why then did you exploit my love, my body, my mind
My heart has burned, tortured by your betrayal*

(M. Moore «Soul»).

Любовь в поэтической картине мира женщин многолика: счастливая и несчастная, «заочная» и плотская, взаимная и безответная, мимолетная и вечная.

Особая тема «женской» поэзии – материнство. Как отметил М. Горький, «без солнца не цветут цветы, без любви нет счастья, без матери нет ни поэта, ни героя». Семья для женщины – та естественная среда, через которую проходят все реалии окружающего мира, а любовь и материнство – это возможности реализовать себя. Именно в семье, в способности искренне переживать чувства других ее членов появляется осознание Бога как источника жизни, а из понимания всеединства человеческого бытия рождается любовь к людям. Семья ограждает лирических героинь от агрессии, лицемерия, равнодушия и жестокости внешнего мира. В стихотворениях показывается, что бескорыстная любовь матери не знает преград: ребенок для нее – средоточие красоты:

*Мама, вся сияя от счастья,
Думала
Он самый красивый ребенок на свете*

(С. Ла «Ай-петрик»).

Ребенок сравнивается с веточкой:

*Веточка-веточка
Мамина деточка*

(Т. Ровицкая «и...»);

ангелом:

*Mama's little Angel
I prayed that God would see
How very much I love you*

(M. Cannon «My angel»).

Топос мировой поэзии, истоки которого можно обнаружить уже в фольклоре, – материнские руки, самые нежные, любящие, заботливые:

*Care-worn, scarred, twisted, her hands were a
Testimonial to years of toil
Had they ever been slender, graceful instruments of love,
Gently soothing a crying child?*

(E. Reece «My mother's hands»).

На фоне светлой тропики темы материнства особенно заметна грустная нота любовной лирики с неизбежностью потерь, непонимания, невстреч. Неудивительно, что одним из самых распространенных природных знаков душевного состояния лирической героини становится дождь; а она в своем одиночестве ощущает себя маленькой капелькой дождя:

*Ты не наступишь
Ты не позвонишь
И будет дождь
А я сейчас уйду
От края крыши
И дождинкой вниз*

(С. Ла «Ты не придешь...»).

По сути дела, дождь – поэтическая метафора слез, не явленных миру:

*Если хочешь уходить, уходи
Да и дождик ненароком пойдет
Ты смотри не утомляйся в пути*

(О. Слободкина «Дождь»),

*Всё равно, что носить,
Всё равно, кем казаться.
Будет дождь моросить
И в душе откликаться*

(С. Ла «Дождь»),

Дождь, как и слезы, – метафора очищения от душевной боли, не случайны ассоциации со сказочной живой водой, которая, по мнению ученых-мифологов, связана с животворящим дождем:

*живой водой весенние дожди
уняли боль...*

(Н. Нутрихина «Боль»).

Если лирическая героиня Св. Ла ощущает себя сорвавшейся с крыши дождинкой, то героиня Т. Ровицкой испытывает желание погрузиться в каплю дождя, метафорически равновеликую дню с его радостью жизни и светом надежд:

*Дождинкой светлой день пришел,
И, погружаясь в каплю эту,
От сна очнувшейся душой,
Так хочется быть ближе к свету...
Так жить на свете хорошо!*

(Т. Ровицкая «Дождинкой»).

Для Т. Ровицкой образ дождя – средство психологического изображения, когда внутреннее, закрытое, невидимое получает выражение в зримом характере дождя:

*Дожди бывают разные, как люди.
Тот сильный, потому так и гремит,
Тот слабый и задумчивый, тот грубый
Сбивает ветки, яростно шумит*

(Т. Ровицкая «Слепой дождь»).

Поэтический язык «мужской» лирики, где лирическое «Я» репрезентирует себя как мужчину, в определенной мере отличается от «женской» лирики. Есть в нем и некоторые национальные нюансы. Например, в языке любовной лирики английских поэтов широко используется сослагательное наклонение, выражающее желательное действие:

*How easy would love be if minds could be read?
How easy would love be if all told was the truth?
How easy would love be if I could just tell you?*

(B. Ellison «How easy would love be if ...?»).

Для англичанина хорошая жена – наивысшая ценность, отсюда такое средство художественной выразительности, как сравнение:

A man can have many blessings

*In his life
But none of them have a greater value
Than that of having a good wife*

(D. Johnson «A good wife»).

Когда лирический герой говорит о себе, своих чувствах или о своей любимой, то английские поэты довольно часто используют «огненную» тропику, что, собственно, является общей родовой чертой «мужской» поэзии:

*My love grows strong. My love doesn't smolder
My love for her is an everlasting Protective fire*

(B. Bud «She»).

*Your eyes show me the emotions that heat my skin
Sometimes such a thick feeling, sometimes so thin
So passionate so gentle warmth like a small fire*

(Br. Bekkerman «The sight of you»).

Взаимная любовь сравнивается с сокровищем: «A treasure you'll find, what's known as true love» (D. Corso). Ею проверяется душевное богатство человека, она же способна любого человека сделать счастливым:

*I didn't believe that I would enjoy having you in my life
But I discovered that having you around me makes me happy*

(B. Bud «In my life»).

Мужчины-поэты интерпретируют любовь как подарок судьбы, а любимая девушка часто предстает в образе ангела:

*I'm grateful for your love.
I know that you're a "special angel"
Who was sent to me above.*

(D. Corso «You»).

В русской лирике конца XX в., как мне кажется, сравнение любимой с ангелом стало расхожим (особенно в песенной лирике), нещадно эксплуатируемым, чего не скажешь о десятилетиях, предшествующих переломным девяностым.

Для английских поэтов весьма значимым является слово «вместе»:

Together we cook, and bake those pies

(D. Corso «It's a cherry life»),

*We go there together,
Where,
Everywhere,
Layer by layer,
Together*

(D. Johnson «Together»).

Таким образом, любовь как чувство, само по себе необычное, получает, благодаря использованию особых стилистических средств, дополнительную смысловую окраску. Она может проявляться и в предельном выражении кризисных состояний: взлета или падения, первой пробуждающей встречи или совершившегося разрыва, смертельной опасности или смертной тоски. Для

лирического героя жизнь без любимой бессмысленна, мир превращается во тьму, расставание равно смерти:

*Notions of separation do not exist.
There's no room for such in my head;
And must I exist without you Dear,
I would prefer that I were dead*

(A. King «Without you»).

Любовь может принести и разочарование, она разбивает сердце и ранит душу, человек становится беспомощным:

*I cannot cope with a life full of distress
Every moment taking a breath without rest
Tired, of all the feelings that have tackled me
An emotion of love that once shackled me*

(Br. Bekkerman «A bag of emotions»).

*A feeling that stalks me everywhere I turn
A feeling so harsh, it makes my heart burn
I'll throw me off whenever I feel joy*

(B. Ellison «You and me»).

Любовь сравнивается с разрушительной болью, от которой трудно избавиться:

*It never hurts to be extra careful
But it always hurts, because love is extra painful*

(Br. Bekkerman «Eyes in rage»).

Обратим внимание на то, в каком именно ореоле предстает для лирического героя любимая, какие стилистические приемы характерны для ее описания. Так, голос любимой сравнивается с легким ветерком:

*A soft and humble voice like her's
Is like the wind breezing through the air*

(B. Ellison «I watch...»).

Следует отметить, что мужчина-автор, как правило, подчеркивает изменчивость женской натуры: голос может быть как мягким, мелодичным, спокойным, так и грубым, холодным, безразличным:

*Your voice is soft, rough and smooth at the same time
But these rhymes are getting smoother with every line*

(Br. Bekkerman «Sound»).

Любимая женщина сравнивается с тем, без чего существование человека не мыслится, с водой, воздухом:

*She's necessity
She's air, water, and heat
My one flaw my one love
Her*

(D. Corso «Her»).

Герой признается, что необыкновенную красоту любимой трудно описать:

*I can't describe the one I love with words
Who's beauty is so overwhelming
I have yet not found something to describe her with*

(В. Буд «A poet»),

*I'll use your eyes to reflect the light
So I won't have to look away from your sight
I'm drawn to your beauty, it makes me weak*

(Вr. Bekkerman «Stay in my heart»).

Для русских поэтов женщина – традиционно – надежда на спасение, возрождение; она – опора и целитель душевных ран героя:

*И твой голос раны лечит,
Губы, руки, грудь и плечи
Сотворяют нежный круг*

(Л. Сапожников «Полночное»).

Мужчины-авторы вообще склонны подчеркивать не только внешнюю, но и внутреннюю, духовную красоту женского образа:

*A face and mind that is so easy to admire
A manner so graceful a heart filled with love
A smile so rich and beautiful that can make you soar high above*

(Вr. Bekkerman «The sight of you»).

Обратим внимание на такую особенность стилистики речи лирического героя, как избыточность номинативных определений любимой типа «малышка, мышка, малышка-коротышка» (В. Таблер) и подобных:

*Мой гусарчик-кареглазик!
Мой цветочек! Мой алмазик!
Мой котенок!*

(М. Генин «Моя»).

*Голубая ты моя Принцесса,
Милая шалость, причуда,
Тропинка из темного леса.*

(Е. Гуреев «Светлое»).

Сравнивая любимую с ангелом, излучающим добро и нежность, английский поэт, как и русский, воспринимает женщину как некую путеводную нить, озаряющий свет, откровение:

*To the brilliance of your glory,
And to the radiance of your glare.
You would be my angel,
To guide me through that tangled wood*

(Вr. Bekkerman «The poet's rose»).

*Доверчивый твой взгляд сквозь синеву идет,
И вечность оставляет в нем мгновенья.
Ты ангел солнечный, тебя добро зовет,
И в тишину проникло озаренье.*

(Е. Гуреев «Милая»).

В языке поэзии мужчины-авторы часто прибегают к существительным с уменьшительно-ласкательными суффиксами, подчеркивая глубину чувств героев, а в «женской» поэзии, как мне кажется, наблюдается тенденция к использованию междометий, которые служат знаками состояния души. Употребление эмоциональных междометий, выражающих различные чувства –

радость и удовольствие, сожаление и разочарование, поддерживается лексическими ресурсами языка. Восторг вызывают утро, волны тепла, особое состояние воздуха, полет и т. д.:

Ах, какая в воздухе нега!

Ах, какие волны тепла!

Ах, мне хочется встать утром рано!

(С. Ла «Я»)

И ах, отпущены шары

Смотри, смотри, они летят

(О. Дьякова «Солнечные ветры»)

Oh, you, hypocrite, you have made a mockery of your own soul

Riveting beneath my flesh

(К. Dove «Lost melody»)

Широкое использование междометий придает языку «женской» поэзии повышенную эмоциональную окраску, приводит к насыщенности общей структуры стихотворения обращениями, восклицаниями.

Принято считать, что поэтический язык мужчин-авторов тяготеет к максимальной конкретизированности. На самом деле нельзя говорить о повышенной метафоричности «женской» поэзии. Здесь следует иметь в виду уже индивидуальный стиль художественного мышления и мировосприятия. Классический пример: виртуоз метафоры Б. Пастернак и виртуоз ясности А. Ахматова. Метафора выступает как одно из средств создания авторского образа: «медлительный звон листопада» (М. Генин); «горы замерли на посту» (Л. Сапожников); «закружил меня листопад» (Л. Сапожников); «неслышной кошкой ходит по паркету маленький уют» (М. Генин); «I ride a trail of meteors» (D. Johnson); «spirit comes shining through» (D. Corso); «The skies cry, the sun dies» (D. Johnson).

Тем самым поэтическая метафора обогащает наши представления о реальности, расширяя наше видение окружающего мира. В то же время энергия «мужского» стиля держится на анафорах, определяющих общую интонационную структуру стиха:

It may take days

It may take years

It may take sacrifice

Blood sweat and tears

(D. Johnson «Follow that dream»).

Подари нам солнце, ласковое, нежное!

Подари нам дождик, что из тучки брызжет!

Подари нам дождик, подари нам радугу,

Всех людей хороших веселить и радовать!

(Л. Сапожников «Радуга»).

Таким образом, стихотворная речь разных литературных традиций содержит гендерный компонент. Как в «женской», так и в «мужской» поэзии тема любви занимает центральное место, хотя в ряде случаев интерпретируется по-разному, что обусловлено гендером лирического героя. И все же

лирической героине в большей степени свойственна восторженность, поскольку поэтессы при создании художественных образов используют междометия, отражающие эмоциональное состояние героев. Необходимо заметить, что в поэтическом языке женщин и мужчин равно широко используются такие средства художественной выразительности, как эпитеты, метафоры, сравнения, которые обогащают поэтический язык в смысловом и в эмоциональном отношении.